

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Толстая. Дерево и воздух 9

Диалоги

Татьяна Толстая — Александр Тимофеевский

Истребление персиян 31
Светящийся череп 53
Крупа и аксессуары. 94
Соловьиный сад 104
Блаженная страна. 122
Я червь — я Бог 146

Александр Тимофеевский

МОЮ ЖИЗНЬ СНЕСЛИ

Лоден. 173
Мою жизнь снесли 203

О НЕМ

Татьяна Москвина. Шура, вы 207

<i>Сергей Шолохов. Шура моей юности. 1975–1985.</i>	219
<i>Лев Лурье. Последний дворянин.</i>	224
<i>Андрей Плахов. Второгодник, светлый ум, экзотический цветок</i>	229
<i>Андрей Мальгин. “...с благоговением принял весть о его смерти”</i>	233
<i>Елена Веселая. Римский профиль.</i>	240
<i>Дмитрий Воденников. Золотой сон про Шуру.</i>	245
<i>Ольга Кабанова. Второе крещение</i>	252
<i>Ирина Павлова. Он знал, где включается лампочка.</i>	257
<i>Максим Соколов. “О милых спутниках, которые наш свет своим сопутствием для нас животворили”</i>	268
<i>Сергей Николаевич. Русский путь через мост Sant’Angelo</i>	271
<i>Тихон Ковешников. Но Рим, конечно, Рим</i>	279
<i>Алена Злобина. От Таганки до Ортиджи.</i>	288
<i>Анна Рулевская. Шесть тучных лет</i>	291
<i>Максим Семеляк. “Пишите себе спокойно, торопиться некуда”</i>	297
<i>Алексей Зимин. Гениальное — обценно. Для всего остального существует Мастер.</i>	304
<i>Юрий Сапрыкин. История четвертая — личная</i>	307
<i>Антон Желнов. По делу и по любви.</i>	311
<i>Иван Давыдов. Живой</i>	313

<i>Татьяна Савицкая. “Твой гений”, или “Ваш автор плохо держит в руках русский язык!”</i>	318
<i>Евгения Пищикова. Портал</i>	321
<i>Полина Осетинская. “Шуре понравилось”</i>	326
<i>Петр Поспелов. Защитник пафоса</i>	331
<i>Евгения Долгинова. Потому что Лев</i>	335
<i>Александр Баунов. Внутренний критик</i>	339
<i>Анна Балала. Золотое сечение</i>	345
<i>Ольга Тобрелутс. Изумрудный Будда</i>	350
<i>Леонид Кроль. Шура: ясность</i>	361
<i>Дамир Бахтиев. Deus ex Facebook</i>	363
<i>Алла Боссарт. Александр Тимофеевский как шедевр барокко</i>	366
<i>Елена Посвятовская. Над небом голубым</i>	369
<i>Дмитрий Ольшанский. Диакон Тимофеевский на Святой земле</i>	375
<i>Родословное древо Шуры</i>	412
<i>Татьяна Толстая. В ту Лазареву субботу</i>	415
<i>Именной указатель</i>	417

Татьяна Толстая

Дерево и воздух

Я уже не помню, когда и как познакомилась с Шурой, он тоже не вполне был уверен. Наши версии в любом случае расходятся, а Лена Веселая думает, что мы с ним впервые встретились на ее дне рождения, который совпадает с Шуриным: 14 августа.

Но это не так. Есть мнение, что мы знакомились дважды. Первый раз — в темном прокуренном коридоре “Московских новостей”, я для них писала какие-то сиюминутные по смыслу и неважные по качеству колонки. Помню, там еще стоял, подпирая нечистую стенку, “Вася” — Андрей Васильев, в то время еще не круглосуточно пьяный, не могучий и не разочарованный во всем на свете.

“Сейчас на Гоголевском бульваре один мент сказал друтому: «Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам!» Я в ахуе”, — мрачно рассказал Васильев. “Это великий Вася”, — подсказал чей-то голос. Может быть, Шурин.

Это вот я запомнила, маленькую фигуру Васильева вижу, а Шуру, красивого, огромного — под два метра ростом, — не вижу, хотя, как выяснилось, он там был и Гамлетом в ментовском исполнении тоже восхитился.

Прошлое затонуло, и отдельные картинки вылавливаешь из темных вод времени словно бы багром. А они разбухли и исказились.

*А после она выплывает,
Как труп на весенней реке,
Но матери сын не узнаёт,
И внук отвернется в тоске.*

Стало быть, начало девяностых, время шаткое и смутное: недавно сгорел Дом Актера на Тверской (подожгли). На месте сгоревшего здания сейчас сплошной гламур, мрамор, эскалаторы с музыкой и прочие духи и кожаные изделия за хуллион рублей, бери не хочу; и следа не найти от прежней жизни. Водишь, водишь руками, — нет, дверь в прошлое плотно закрыта, и не узнать: где тут был вход в магазин “Мясо”, — там, где из-под полы можно было купить отруб без костей и даже говяжий язык — розу советского застолья? Где знаменитый сортир, в котором шла подпольная торговля джинсами, косметикой и всяческим дефицитом? Московские красавицы выпархивали из сортира с французскими духами, из “Мяса” — с окороком на ужин; красота спасала мир в самые темные дни.

Я тогда жила в Америке, приезжала один-два раза в год, ничего не понимала в происходящем, вертела головой по сторонам и снова уезжала. Шура что-то почувствовал, откуда-то возник, что-то щелкнуло, — и вот он уже друг и брат на всю оставшуюся жизнь. На всю ему отведенную жизнь.

Многие напишут о том, что Шура — последний человек Возрождения, потерянный брат Леонардо, всё понимающий в высоту и в глубину; или что он — последняя, заблудившаяся в петербургских метелях фигура Серебряного века с душой истонченной, эротической, отравленной красотой этого мира; или что он, наоборот, человек короткого и блистательного пушкинского отрезка времени: карты, попойки, стихи, *bon mots*, застолья поэтов и остроумцев, а надо всем — зависшая, несдвигаемая туча вечного самодержавия. Или что он — последний патриций, последний хранитель великой римской культуры, и вот сейчас падет Рим, ворвутся гунны, и библиотеки погибнут в пламени новых времен.

Это так, всё верно. Таким он и был — и тем, и этим, и еще тем, и описать это удивительное явление, эту необыкновенную фигуру не под силу в одиночку ни одному человеку. И не потому, что такого писателя не найдется, а потому, что Шура был одновременно всеми этими аватарами, он был разнообразен и един, он был циничен и патологически добр, он был уступчив и упрям в одну и ту же единицу времени. Он был многомерен, и многомерен в глубину — а в глубине не видно.

Как описать гения? — никак, читайте Шурины тексты, какой-то свет прольется, расщепленный призмой наших усилий, какой-то ветер подует, что-то приоткроется. Что-то мы поймем, что-то уроним и потеряем.

Шурины тексты собраны и изданы в двух книгах героической Любой Аркус. Шура не хотел, сопротивлялся, уклонялся, ленился, не был уверен, отмахивался, — всё делал, чтобы не браться за этот труд. Шура был скала (мягкая скала), но Люба была таран. Книги вышли — это “Весна Средневековья” и “Книжка-подушка”, издательство журнала “Сеанс”. Тот, кто прочтет эти книги, почувствует, что в его сознании появилось новое измерение. Или так: в вашей комнате, знакомой и привычной, вдруг проступает дверь в стене — дверь, которой раньше тут не было. Вы распахиваете ее — и ах! — простор, луга, сады, какие-то скалы, какие-то моря, и деревья, деревья, деревья.

Шура не написал и сотой доли того, что мог бы. Ему было лень. Он хотел наслаждений: любовь, эрос, дружба, красота, еще раз красота, чувства, еще раз красота, вот это вот всё. Он любил чужой ум — это красиво; а если ум замусорен в человеке, то надо просто этому человеку помочь: отмоем ваш брильянт, и как же он славно засверкает! Шура отмыл парочку бриллиантов, и теперь эти люди прекрасно едят, но он также потратил немало сил впустую, отмывая обычную щбенку, — конечно, безрезультатно.

• • •

Есть такой забавный психологический тест. Вы со своим верблюдом идете через пустыню. Жара. Вдруг на вашем пути — ведро воды! Что вы сделаете? Ответы самые разные:

- выпью ведро сам, верблюду не привыкать;
- поделюсь с верблюдом;
- напою верблюда, ведь ему тяжелей, чем мне;
- обольюсь холодной водой, и т.д.

Вы идете дальше, и вам встречается оазис, где растут пальмы, журчит вода и пасутся красивые лошади. Что вы сделаете?..

Вы идете дальше, и на вашем пути вырастает стена. Она простирается вправо и влево до горизонта. Что вы сделаете?.. (Тут, помимо типичных ответов вроде “пойду направо или налево, должна же стена когда-то кончиться”, есть и такие: “сяду и заплачу”, или: “а я ее перелезу, ведь не сказано, что она непреодолима!”.)

Мне было очень интересно, как Шура решит вопрос со стеной. Предстанет ли она перед ним высоченной? Или низенькой, как глинобитный дувал? Будут ли в ней двери, лазейки, калитки? Но Шура до стены не дошел. Он заявил мне:

- Я останусь с красивыми лошадьми.
- Шура, но тест еще не закончен! Вы должны идти дальше по пустыне!
- Нет, нет, я останусь с красивыми лошадьми.

Это был один из лейтмотивов его жизни: оставаться с красивыми лошадьми.

• • •

С Шурой никогда не было скучно. Такого просто не могло быть. У него был удивительный дар сделать любую тему разговора интересной, свежей и ясной, будь то принятый сегодня Думой очередной людоедский закон или сплетня

про общего доброго знакомого. С Думой понятно, но вот умение хорошо приготовить сплетню и красиво ее подать — тут Шура был мастер. Он понимал, что упаковка не менее ценна, чем содержимое, и завертывал сплетню в нарядную бумагу. Получались художественные миниатюры, особый жанр; жалко, что я за ним не записывала.

А его бонмо, рождающиеся мгновенно, на лету!..

Я говорю:

— Ольшанский пишет красиво, но у него всего две темы: сиськи и могилки.

Шура:

— В сущности, всё те же холмики.

Он звал меня работать с ним в газету “Русский Телеграф”, недолго просуществовавшую (1997–1998 гг.; ее уничтожил дефолт). Я приносила свой очерк или эссе, над которым работала дома, а Шурина задача была — писать колонки раз или два в месяц. Архива газеты у меня нет (да сохранился ли он?), сужу по датам в “Весне Средневековья”, но там, судя по тем же датам, встречаются и несколько текстов, написанные в один день, очевидно, для разных изданий. Шура брал три разноплановых новости за минувшую неделю, садился за компьютер и сочинял колонку. Три новости необходимо было бесшовно скрепить, связать, сплести в рамках одной колонки, то есть прозреть в них (или придумать) нечто общее.

• • •

Он был Леонардо своего рода, но он был и Макиавелли: у него был настоящий государственный ум, он мыслил структурно, системно, большими историческими категориями. Из него вышел бы глава крупного ведомства, или премьер-министр, но он не хотел быть начальником — он хотел понимать, помогать, направлять, влиять. Хотел влиять — и потому занимался политтехнологиями и консультировал политиков. Выстраивал им публичные образы, писал речи,

придумывал для них ключевые фразы и мемы, извлекал смыслы и упаковывал их в золотую шуршащую бумагу. Царедворец, визирь, еврей при губернаторе — он это мог и умел.

Недаром он происходил от вождя племени йомудов в Туркестане. Племя это считалось буйным и воинственным: в Википедии можно прочесть, например, что “в это время засилие йомудов переходило уже всякие границы, и их жестокость и притеснения до крайности отягощали население”. В 1880-х годах, рассорившись и навоевавшись со своими соседями, йомуды попросились в российское подданство. Их не сразу, но взяли. Один из сыновей хана Йомудского — Аннамухамед Караш-хан — был взят в заложники лет восьми от роду, крещен и стал зваться Николаем. Его дочь, Анна Николаевна Йомудская, обладала бешеным нравом. Шло время, ее выдали замуж. Через сколько-то лет безоблачного брака она вдруг узнаёт, что у ее мужа еще до свадьбы, до знакомства с ней были связи с какими-то другими женщинами. Дочь вождя хватает кинжал и бросается на неверного (задним числом) мужа. Крики, кровь! Он выжил, ее судили. Не знаю, чем кончилось, и Шура толком не знал. Но процесс, говорил он, был громкий. Такая вот страстная у него была прапрабабка.

Я часто думаю: чем удивительна и упоительна империя (которую нынче политкорректные чистюли в белых пальто считают причиной всех бед на земле). Не будь империи — не было бы этого барочного смешения кровей, вихря генов, пассионарных прорывов, не было бы метисов, мулатов, квартеронов, не было бы Арапа Петра Великого, а значит, и Пушкина бы не было, беленькие тихонько сидели бы с беленькими, а черненькие тихонько шуршали бы с черненькими, каждый в своем отдельном садике или дворике. Гномов еще расставить среди настурций. Ну, или черепа соседей — что кому больше нравится.

Не будь империи — не было бы у нас Шуры Тимофеевского, потомка бешеных тюрков, а может, и персов — они

там все перемешались, грабили друг друга и отнимали друг у друга красивых баб. Сейчас сидели бы вы, Шуручка, в своей кибитке кочевой, на туркменском ковре, налево — верблюды, направо — баран, вокруг — каменная пустыня, и жара 50 градусов. “Нет, нет, не хочу так”, — смеялся Шура.

Одно время он консультировал первую леди Азербайджана, исключительной красоты женщину, — Шура был в упоении от ее красоты, немедленно конвертируя ее в добродетель, так что выходило сплошное совершенство. Речь шла о выстраивании сложного образа, одновременно национально-религиозного и демократически-европейского, баланс почти невозможный: тут муллы, а там моллы, тут Шамиль, а там Шанель, — не знаю, как он справлялся, я не спрашивала, да он и не рассказывал. Только вздыхал: Восток... Его одаривали черной икрой (а на таможне отбирали законную четверть), старинными шелковыми шальями, сюзане и монистами; шали и мониста он передаривал мне. Помню, что его там спросили: как сделать так, чтобы московская интеллигенция разлюбила Армению и полюбила нас? — Никак, честно ответил Шура. Ну, долго он там не продержался.

Потом он служил консультантом у донбасского олигарха. Тот платил щедро, но Шура должен был быть готов к выполнению срочного задания двадцать четыре часа в сутки, и это могло быть придумывание точки зрения на уйгурский конфликт или написание одной, но крылатой фразы по поводу открытия стадиона. “Дыр-дыр-дыр, а в конце: «Имя ему — “Донбасс-Арена”»”. Эта фраза стала нашим мемом — мы вздыхали этими словами над любой пустой, бессмысленной, отнимающей жизнь работой.

Я помню, как мы лежали на критском пляже, и звонил телефон.

— Да, можно. Хорошо, поменяйте. Нет, это всё равно.

— Что они там хотят, Шуручка?

— Спрашивают, можно ли заменить “возможно” на “вероятно”. Сами не могут решить. Я должен взять ответственность на себя.